

И тогда друг другу скажем смело,
Что мы брались за большое дело,
И места, где мы с тобой бывали,
Люди в картах мира отмечали.

Эти слова из песни "Глобус", которую много лет старшее поколение считало студенческим фольклором: ее знали и пели все, но почти никто не знал, что ее автор — Михаил Львовский.

На Тихорецкую состав отправится,
Вагончик тронется, перрон останется,
Стена кирпичная, часы вокзальные,
Платочки белые, глаза печальные.

Так поется в одной из любимейших песен и старых, и новых поколений; многие считают ее народной, приписывают бардаму, Владимиру Высоцкому (он пел ее в концертах), и мало кто знает, что автор этой песни — Михаил Львовский.

"Вот солдаты идут по степи опаленной, тихо песни поют про березки да клены", — наша песенная классика, автор слов — Михаил Львовский.

Он начинал в знаменитой до войны Арбузовской студии, пробовал себя актером, писал. Из этой студии вышло много талантливых и впоследствии весьма знаменитых людей. Они отличались от других трепетной преданностью театру, дружбой и особым этическим потенциалом: здесь сложилась новая генерация российской интеллигенции — той самой, советской, верующей в идею справедливого общества и огульно проклятой нынче современными нуворишами от политических спекуляций. Арбузовцы вышли из своего единственного спектакля "Город на заре" — для них это был символ той Зари, которую ждала российская интеллигенция еще в XIX и начале XX века, ради которой жили и умирали, шли на жертвы, не думали о деньгах и личном благополучии, трудились, воевали, а потом... одни исключали Бориса Пастернака из Союза писателей, а другие (задолго до XX съезда) обеспечили подъем демократического движения 50 — 60-х в кино, театре, поэзии, литературе и общественной мысли. Тогда искусство на время стало храмом, породило поколение сопротивления, ставшее властителем дум, — новых поэтов, бардов: Б. Окуджаву, В. Высоцкого, В. Шукшину, В. Аксенова, Студенческий театр МГУ, любимовскую Таганку — и многих и многих, вплоть до Солженицына и Сахарова.

Михаил Львовский провоял всю войну, но не занял в Союзе писателей руководящих должностей... Он написал песен не менее, чем Лебедев-Кумач, и, наверно, больше всех песен для радио (его песни распевались каждый день в течение десятилетий) — и не был обласкан властью. Наверно, потому, что не писал песен о партии, не участвовал в политических и творческих тусовках, не подписывал коллективных писем-доносов.

У него сложилась странная, до боли обидная судьба: с одной стороны, его старались не замечать, с другой — он всегда попадал в какие-то постановления и разгромные статьи: уничтожали за "мелкотемье" Александра Володина (тема челове-

тели работать, и он писал свои песни под фамилиями своих друзей, проявлявших по тем временам акт особого гражданского мужества и дававших ему хоть немного заработать на жизнь. Он мог и постоять за себя, приводя неопровержимые

Москва, Комсомолки, - 1994 - 3 нояб. - с. 3

НА ТИХОРЕЦКУЮ СОСТАВ ОТПРАВЛЕН...

На смерть М. Г. Львовского

доводы, но и по сей день политические спекулянты-мешочники, минув доводы, галопом мчатся прямо к выводам — на политическом базаре резюнов нет.

Львовский стал как бы "затворником", но при этом оказался в самом центре процессов искусства. Всесторонне одаренный, профессиональный и удивительно щедрый, он стал фигурой, к которой тянулись, как к магниту, как к духовно-творческому донору, — интеллектуальному спонсору, говоря нынешним языком. Он стал генератором талантов, судьба имени прекрасных произведений, полюсом притяжения многих из ныне известных, живых и ушедших: по Львовскому можно было сориентировать и измерить себя, определить свои координаты в стихиях движения искусств...

Сегодня таких людей уже почти нет. В наше время расцвете интеллектуальной и творческой бижутерии Михаил Львовский — фигура вне измерений: в этом смысле у нас многие деятели культуры при жизни стали далеким классическим прошлым...

30 октября 1994 года в возрасте 75 лет он скончался. Панихида сегодня, 3 ноября, в 12.00 в Донском монастыре.

Он прожил и умер вместе со страной — той страной, о которой сейчас никто не говорит ни единого доброго слова, — стране народа, той, что воевала, любила, училась, трудилась, строила, слала и дерзала; той, которая никакого отношения не имела ни к центральным, ни к местным комитетам, ни вообще к власти имущим, а если и имела отношение к ГУЛАГу, то только как его жертва.

Мы сегодня снова "исправляем" нашу историю, заменяя белые пятна исключительно на черные. У нас получается разоблачение бывших героев. Что интересует нас — истина или все то же? Может, мы и по сей день умеем лишь обслуживать верхние слои социума и льстить новой власти проверенным способом: в полной без-

опасности смело разоблачать старую власть...

Может, пора от "безумного бесстрашия" поздалых разоблачений и новых фальсификаций перейти к подлинной истории страны как к истории поэтов и тружеников, людей и героев, культуры и страданий? Может, пришла пора узнать, кто мы такие — например, человек высокого предназначения и чистых рук: советский писатель Михаил Григорьевич Львовский.

Это время пришло, а то все будем "бить и бить своих, чтоб чужие боялись", и никогда не перейдем от тотального разрушения старого к духовному созиданию новой общественной идеи. Пусть навсегда останется с нами и заново раскроется доброе и святое имя Михаила Львовского — нам будет теплее возле него, оно нам снова поможет...

Его фильмы "Я вас любил", "Это мы не проходили", "В моей смерти прошу винить Клаву К." и др.

Пьесы: "Димка-невидимка" (с В. Коростелевым — режиссерский дебют О. Ефремова), "Новый костюм", "Кристаллы ПС", "Здравствуй, Катя", "Танцы на шоссе" и др.

Звания: заслуженный деятель искусств, лауреат Госпремии, член Союза кинематографистов, член Союза писателей, крупный деятель детского кино.

В пьесе "Друг детства" есть диалог меж юной героиней и молодым физиком, прагматиком и реалистом до цинизма (кстати, М. Львовский первым открыл этот новый социальный тип в нашей драматургии):

— Вы верите в мораль? — спрашивала героиня.

— Разумеется, верю, мораль — это гигиена общества, но почему я должен поклоняться зубной щетке?

— А в коллектив вы верите?

— Естественно, но при этом я не забываю о сплоченном коллективе инквизиции — под ликующие крики верующих сгорел Джордано Бруно.

— А в будущее вы верите?

— Конечно, как можно не верить в будущее, но при этом надо помнить, что самое светлое будущее со временем становится проклятым прошлым...

Пророческие слова.

Вечная и добрая память тебе, Михаил Григорьевич, — земля тебе пухом!

Ролан Быков по поручению друзей и почитателей: А. Медведев, З. Гердт, А. Володин, Б. Сарнов, Ю. Норштейн, С. Ростоцкий, Л. Кулиджанов, Я. Сегель, В. Железников, Е. Санаева, В. Гинзбург, И. Туманян, А. Рыбин, С. Снежкин, А. Михайлов, Т. Тименев, У. Саппаров, С. Дружинина, Н. Конюшев, А. Хайт, Г. Пажи, В. Масенков, В. Панков, Е. Панкова.

Львовский Михаил

3.11.94.